УДК 141.201

ПОСТМОДЕРНИЗМ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ МИРА

Ашимова Виктория Анатольевна,
Российская академия
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Уральский институт управления (филиал),
доцент кафедры
философии и политологии,
кандидат философских наук,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: ashimova-v@yandex.ru

Аннотация
Статья посвящена кризису релевантного описания дискретных и паралогичных процессов мира, который подробно представляет в гуманитарном дискурсе постмодернизм. «Смерть автора», цитатность, нарратив и мифологичность – это те ключи, с помощью которых постмодернизм вскрывает процесс «олитературивания» мира, что приводит к абсурдности повседневности и анонимности.

Ключевые понятия:
постмодернизм,
цитатность,
описание,
миф,
нарратив.

Сама идея – во всем найти порядок и смысл, обосновать первопричину – вызывает сегодня обвинения в онто-, фоно-, фалло-, тео-, телео-, логоцентризме, метафизичности, а также попытке загнать многосложный мир в «прокрустово ложе» бинарностей. Ученые отстаивают тезис об ошибочности любого прочтения, претендующего на окончательную, абсолютную истину, отрицают возможность единственно правильной интерпретации, однозначного понимания противостоящего сознанию объекта, и в результате вынуждены признать, что наука сама по себе не более рациональна, чем любой вид человеческой деятельности.

И если в естественных науках пробабилистский стиль мышления и всепроникающего релятивизма задают постпозитивисты, то в социально-гуманитарных науках – постмодернисты, которые проблему любого дискурса сводят сугубо к языковой, поэтической, литературной. После хайдеггеровских «Язык – дом бытия» и манеры играть неологизмами деконструкция «Нет ничего, кроме текста!» Ж. Деррида и шизоанализ «Все в конечном счете – политика!» Ж. Делеза стали своего рода визитными карточками постмодернизма, ее ключевыми, методологическими принципами. В постструктуралистско-деконструктивистской проблематике толкования отметилась даже феминистская критика, начиная с Гертруды Стайн, отказавшейся ставить знаки препинания с тем, чтобы не лишать читателя роли соавтора [9], и заканчивая Юлией Кристевой, которая, активно занимаясь мифотворчеством, определяет женское начало как пространство, место не только литературы, но и истины (под предлогом, что литература и истина – понятия женского рода) [6, с. 143].

Проблему двойственности и даже безличности, «сингулярности» (Ж. Делез) описания, прежде всего, представляет концепция «смерти автора» Р. Барта (хотя и раньше об этом писали, однако именно Барт оформил ее так, что она стала классикой постмодернистской мысли): «Письмо – та область неопределенности, неоднородности и уклончивости, где теряются следы нашей субъективности, черно-белый лабиринт, где исчезает всякая самотождественность» [4, с. 384]. Таким образом, из текста мы никогда не узнаем: 1) думает ли автор действительно так, как он об этом говорит; 2) кому принадлежит высказывание – самому автору или его герою, ибо этого требуют законы жанра,

описание настроения сюжета; 3) передает ли адекватно текст мысли автора, ибо то, что «хотел» сказать автор, его замысел и то, что «получилось» на выходе, зачастую, не тождественно; 4) и даже, более того, произведение может изменяться даже для самого автора, когда письмо начинает писать автором, а не наоборот. Если о чем-либо рассказывается ради рассказа, ради самой истории (даже не ради того, чтобы произвести впечатление на публику, потрясти ее воображение истиной, красотой или откровением), то от автора уже ничего не зависит, он есть лишь орудие, инструмент для письма как такового, ибо язык говорит через автора, использует его. Получается, что панъязыковое мышление не способно сформулировать, оформить свои психические движения, не умеет или даже не желает этого делать, что, к удивлению, только усиливает успех эпатажной литературы постмодернистского дискурса.

Вообще надо признать, что «удаление «автора» выгодно всем. Во-первых, самому автору – ему больше не надо объяснять, стараться донести до читателя тот единственный смысл, который он имел в виду, ибо текст оставляется как место, открытое для читательского понимания, для его личных смыслов и ассоциаций: «текст представляет собой не линейную цепочку слов, выражающих единственный, как бы теологический, смысл («сообщение» Автора-Бога), но многомерное пространство, где сочетаются и спорят друг с другом различные виды письма, ни один из которых не является исходным; текст соткан из цитат, отсылающих к тысячам культурных источников. …Он может лишь вечно подражать тому, что написано прежде; в его власти только смешивать разные виды письма» [4, с. 388]. Во-вторых, «удаление автора» удобно читателю, который становится соавтором; тем, кто додумывает смысл, понимает текст в зависимости от своей психологии, культуры, воспитания. И критику, в-третьих, «удаление автора» также кстати, – ему есть чем заняться, а именно, искать автора с тем, чтобы наделить произведение определенным окончательным смыслом и возложить ответственность за содеянный текст, письмо, на кого-то конкретного.

Далее, «смерть автора» еще раз обнаруживает и иллюстрирует фундаментальную, или онтологическую (если такие категории еще уместны в постмодернистском контексте, тезаурусе), сущность текста эпохи постмодерна – цитатность. Текст представляет собой совокупность цитат из бесконечного множества памятников культуры всевозможных стилей и направлений, происходящих из других времен и цивилизаций и, соответственно, вступающих друг с другом в диалог, а то может быть и в спор, пародию или подражание, ибо уже многое сказано, всегда идет отсылка к цитате прошлого и что-то принципиально новое сказать почти невозможно. Если человек укоренен в языке, то он сам по себе также цитатен, состоит из цитат. К примеру, футболка с афоризмом Ницше, прическа, как у злодея какого-нибудь космического блокбастера, очки, как у Элтона Джона, а одет, как самурай, и танцует, как Элвис Пресли! Как известно, новое – это хорошо забытое старое, цитата в новых условиях может зазвучать по-другому, то, что раньше не было воспринято, в другое время окажется блестящей мыслью. Читать между строк или, так сказать, ad marginem, что означает с латыни «на полях», «по краям» – таков призыв постмодернизма! И проблема здесь видится уже не в том, чтобы жонглировать цитатами, *а из всего этого хаоса и мозаичности суметь выстроить, прописать собственную речь и уникальное письмо, не сравнивая себя с другими цитатами и не откликаясь на иллюзорность и исчислимость разнообразного сущего!*

Тема «удаления автора», но несколько под другим углом, Р. Бартом интересно представлена и в другой его работе, в «Миф сегодня», где идеология «сегодня» определяется как современная мифология: «Буржуазная идеология постоянно преобразует продукты истории в неизменные сущности; подобно тому, как каракатица выбрасывает чернильную жидкость в целях защиты, так и буржуазная идеология все время пытается затушевать непрерывный процесс творения мира» [3, с. 126]. Мифы, как и идеология, вездесущи, они проникают всегда и везде, создавая некий зыбкий, туманный образ мира, но который, в свою очередь, задает конкретный идеальный стандарт, к которому необходимо, должно стремиться каждому. Создается иллюзия, что так было, есть и будет, что такова жизнь, так устроен мир, природа, такова суть вещей. Все это делается только ради того, чтобы не возникло даже мысли, что можно что-то менять: «Функция мифа заключается в опустошении реальности, миф – это буквально непрерывное испарение смысла. Миф не отрицает вещей, но он очищает их, делает безобидными, находит

им обоснование в вечной и неизменной природе, придает им ясность, характерную не для объяснения, а для констатации фактов; он творит мир без противоречий, потому что в нем нет глубины, и располагает его перед нашим взором во всей его очевидности, безмятежной ясности; кажется, что вещи значат что-то сами по себе» [3, с. 112]. Таким образом, идеология – это и есть современная мифология. Как прежде, в древние доисторические времена люди рассказывали мифы о мире, о его богах и героях (может быть, это можно обозначить как партиципация или антропоморфизм), так и теперь создается идеология, которая задает всеобщие аксиологические и даже гносеологические образцы, упрощенные картины мира, где закрепляется место за человеком, где он вписан в образ действительности. Согласно классической версии, миф – это древнейшая и примитивнейшая форма объяснения мира, которая должна была отмереть с появлением более совершенных форм, таких, как религия и наука! Но так как этого до сих пор не произошло, то можно предположить, что мифологичность, стремление упорядочивать мир с помощью мифа, как-то упрощать его – априорная черта человеческого существа, а иначе как объяснить живучесть такой формы мировоззрения, как миф!?

Следует особо отметить, что постмодернизмом ставится проблема не только двойственности описания, но и подвергается сомнению существование в современных условиях смысла вообще, *ибо абсурд становится если не модой, то повседневностью!* Одной из причин тому стала деятельность масс-медиа, которые занимаются не столько уже манипуляцией, сколько мистификацией реальности, порождая в изобилии всякого рода мифологемы: «Однако фактически это стирание онтологических границ прежде всего выражается в своеобразном антииллюзионизме постмодернизма, стремящегося уничтожить грань между искусством и действительностью и опереться на документально достоверные факты в литературе, либо на реальные предметы массового потребления в живописи и скульптуре» [7, с. 220]. То, что К. Маркс, автор «Немецкой идеологии», определял как «ложное сознание», порожденное классом буржуазии, ныне исполняют и внушают СМИ. И было бы заблуждением сводить проблему к тому, что масс-медиа оплачены заинтересованными лицами, ибо абсурдность, как известно, не исчислима!

Другое, но очень похожее на вышерассмотренное, явление современного мифотворчества – нарратология, выдвигающая тезис о том, что под правдоподобные истории, рассказывающие о реальности, всегда «находятся» и факты: «только литературность любого дискурса и делает возможным наделение смыслом мира. Подобное олитературивание мира знания имело своим следствием иррационализацию результатов исследовательского анализа» [6, с. 176]! Дело в том, что поводом для «нарративного поворота» стало понимание того, что этот разорванный, мозаичный мир поддается склейке только, если о нем рассказать поэтическую историю, тогда он обретает художественный образ и цельность, что позволяет его принять, описать, познать и осмыслить: «что делают ученые, сделавшие какое-то «открытие», когда их приглашают на телевидение, интервьюируют в газетах и т. п.? Они рассказывают эпопею о знании, которое, однако, совсем неэпическое. Они удовлетворяют, таким образом, правилам нарративной игры, давление которых остается сильным не только в средствах массовой информации, но и в глубине души самих ученых. Государство может тратить много средств на то, чтобы наука могла представляться как эпопея: с ее помощью оно становится внушающим доверие, создает общественное одобрение, в котором нуждаются сами решающие лица» [8, с. 72].

Министр науки Великобритании в 1993 году был вынужден объявить конкурс на самое простое объяснение, что такое бозон Хиггса: «В профессиональных группах, занятых так называемым духовным трудом, но зависимых или же экономически несостоятельных, жаргон является профессиональной болезнью...» [1, с. 24]! Наука усложнилась, в течение одной человеческой жизни происходит смена нескольких поколений технического обстояния, что не приблизило ни к пониманию паралогичности когда-то отчужденного нами мира, ни к осмыслению собственного бытия в нем и только с технической, материальной стороны сделала нашу жизнь чуть комфортнее. Если раньше государства боролись за новые территории, а затем за сырьевые источники, то теперь за власть над информацией: «В эпоху информатики вопрос о знании более чем когда-либо становится вопросом об управлении» [8, с. 28], что, в свою очередь, позволило Д. Беллу [5] и Э. Тоффлеру [10] назвать современные общества постиндустриальными.

В повседневной жизни человек часто использует нарратив как средство придания ясного и доступного смысла окружающей реальности, следовательно, за такое качество, как объяснительность, его можно определять как форму познания. Если в науке постпозитивизма строится концепция, выдвигается гипотеза, под которую подворачиваются, подводятся цифры, то здесь придумывается рассказ, под который подгоняются действительные исторические факты и действия! Если строить синонимический ряд, то выглядеть он будет примерно так: вымысел, повествование, история, миф, легенда. Таким образом, определим нарратив как последовательность событий, объединенных единым сюжетом (по форме это может быть мировая трагедия или вечная комедия, а может унылый эпос или грубая сатира), а по ходу повествования рассказчик может отвлекаться на комментарии и строить ассоциативные ряды. *Причем разница между нарративом и мифом только в том, что когда мы создаем миф, мы отдаем себе в этом отчет, мы делаем это сознательно, а когда строим нарратив, мы делаем это бессознательно, мы интуитивно, инстинктивно запутанную и фрагментарную реальность упорядочиваем, делаем доступной, даже стереотипной!*

Демонстрируя превосходство «нарра-ции» перед «легитимацией», законностью, научностью, Ж. Лиотар напоминает платоновскую аллегорию пещеры, где люди предпочитают слушать рассказы, чем получить, освоить какое-то новое знание. *А ведь это действительно так, ибо рассказы усыпляют, убаюкивают, в то время как для освоения нового знания необходимо произвести над собой духовное усилие, посмотреть на вещи, как они есть, назвать их собственными именами!* Примечательно, что Платон даже свои «Диалоги», посвященные восхвалению научных дискуссий, выстроил в манере совсем не научного рассказа, драмы, когда спор был показан, инсценирован, а не изложен и даже не поведан: «Научное знание не может узнать и продемонстрировать свою истинность, если не будет прибегать к другому знанию-рассказу, являющемуся для него незнанием; за отсутствием оного оно обязано искать основания в самом себе и скатываться таким образом к тому, что осуждает: предвосхищению основания, предрассудку» [8, с. 74]. Таким образом, Лиотар приходит к выводу о «незаконности» нарратива, ибо последний не подчиняется ни аргументам, ни доказательствам, а сознание, ментальность, его использующая, является примитивной и основанной на мифологемах.

Такой чертой нарратива как не просто излагать события и факты, но и упрощать их воспользовался политический дискурс в связи, во-первых, с политической биографией, когда успех избирательной кампании зависит теперь от архетипичности истории кандидата, где он выступает в роли мифического героя: «Простая и доходчивая история, резонирующая с народными ценностями, формирует в массовом политическом сознании желаемые для политика каузальные фреймы и тем самым создает мотивационную базу для определенного политического поведения» [11, с. 90]. И, во-вторых, нарратив как альтернатива слогану, который уже утратил свою воздействующую силу, ибо избиратель, как и потребитель к рекламе, выработал определенный иммунитет.

В заключение необходимо еще отметить, что в той или иной степени другие (постпозитивизм, философская герменевтика, синергетика), иные усилия адекватно описать, осмыслить гетерогенность и процессуальность мира оказались ограниченными рамками своих же догматов и не достигли исчерпывающего результата. Ранее мы уже пытались определить философскую герменевтику как попытку релевантного описания двойственности мира: «задача философской герменевтики сегодня определить, насколько уместна, употребима, адекватна та или иная версия интерпретации, ибо это прописывается уже не сухим сводом законов смыслообразований, а чувствованием разности контекста, а может даже экзистенции, способов порождения, открывания истины» [2, с. 113] Да, все так, но откуда у философской герменевтики найдутся методы «прочувствовать разность контекста» с тем, чтобы понять истинность того или иного варианта интерпретации. И в этом смысле возможности герменевтики ограничены все тем же «сухим сводом законов смыслообразования»!

Постмодернизм не претендует на роль оракула, не ставит диагноз, и не может его ставить в силу своей убежденности в невозможности такового, но он показывает основные механизмы, манипулятивные приемы, с помощью которых мир доводится до абсурдности, что, в свою очередь, приводит к анонимности и потере ответственности. И потому, именно постмодернизм ожидаемо стал новым стилем или даже методологическим инструментом неклассической постсовременности, ибо он

обладает рядом, набором методов, которые позволяют *учитывать* не только двойственность, или множественность, реальности, но даже ее *ускользающую литературность, правдоподобность.*

1. Адорно, Т. Жаргон подлинности. О немецкой идеологии [Текст] / Т. Адорно. М.: Канон+, 2011. 191 с.
2. Ашимова, В.А. Герменевтика как попытка релевантного описания двойственности мира [Текст] / В.А. Ашимова // Социум и власть. 2014. № 4 (48). С. 109–113.
3. Барт, Р. Миф сегодня [Текст] / Р. Барт. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
4. Барт, Р. Смерть автора [Текст] / Р. Барт. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
5. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования [Текст] / Д. Белл. М.: Academia, 1999. 956 с.
6. Ильин, И. ПОСТМОДЕРНИЗМ от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа [Текст] // И. Ильин. М.: Интрада, 1998. 255 с.
7. Ильин, И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм [Текст] / И. Ильин. М.: Интрада, 1996. 255 с.
8. Лиотар, Ж.Ф. Состояние постмодерна [Текст] /Ж.Ф. Лиотар. Санкт-Петербург: Алетейя, 1998. 160 с.
9. Стайн, Гертруда. Что такое шедевры и почему их так мало [Текст] / Гертруда Стайн //Логос. 1994. № 6. С. 332–339.
10. Тоффлер, Э. Третья волна [Текст] / Э. Тоффлер. М.: ООО «Издательство АСТ». 2002. 776 с.
11. Шейгал, Е.И. Многоликий нарратив [Текст]/ Е.И. Шейгал // Политическая лингвистика. 2007. Выпуск (2) 22. С. 86–93.

References

1. Adorno, T. (2011) Zhargon podlinnosti. O nemetskoy ideologii, Moscow, Kanon+, 191 p. [in Rus].
2. Ashimova, V.A. (2014) Sotsium i vlast'. № 4 (48), pp. 109–113 [in Rus].
3. Bart R. (1989) Mif segodnya. Moscow, Progress, 616 p. [in Rus].
4. Bart, R. (1989) Smert' avtora. Moscow, Progress, 616 p. [in Rus].
5. Bell, D. (1999) Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya. Moscow, Academia, 956 p. [in Rus].
6. Il'in, I. (1998) POSTMODERNIZM ot istokov do kontsa stoletiya: evolyutsiya nauchnogo mifa. Moscow, Intrada, 255 p. [in Rus].
7. Il'in, I. (1996) Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm. Moscow, Intrada, 255 p. [in Rus].
8. Liotar, Zh.F. (1998) Sostoyanie postmoderna. Sankt-Peterburg, Aleteyya, 160 p. [in Rus].
9. Stayn, Gertruda (1994) Logos. № 6, pp. 332–339 [in Rus].
10. Toffler, E. (2002) Tret'ya volna. Moscow, OOO Izdatel'stvo AST, 776 p. [in Rus].
11. Sheygal, E.I. (2007) Politicheskaya lingvistika. Vypusk (2) 22. pp. 86–93 [in Rus].

UDC 141.201

POSTMODERNISM AS AN IDEOLOGICAL AND POLITICAL DESCRIPTION OF THE WORLD

Ashimova Viktoriya Anatolyevna,
Russian Academy of National Economy and Public Administration, Urals Institute of Administration (branch),
Associate Professor of the Chair of Philosophy and Politics,
Candidate of Philosophical Sciences,
Yekaterinburg, Russia.
E-mail: ashimova-v@yandex.ru

Annotation
The article is devoted to the crisis of relevant description of discrete and paralogic processes of the world which presents postmodernism in the humanitarian discourse in detail. «The Death of the Author», citationality, narrative and mythological concept are the keys with the help of which postmodernism reveals the process of «literation» of the world which results in the absurdness of everyday life and anonymity.

Key concepts:
postmodernism,
citationality,
description,
myth,
narrative.